

латься слишком бесцеремонно, ибо понимают, что военные элементы, готовые примкнуть к освободительному движению в манджурской армии, сильнее всего: они на своей шкуре испытали все язвы монархического строя. Иностранные газеты уже давно сообщают, что у современной России нет больших врагов, чем русские пленные в Японии, а среди вожаков аграрных беспорядков особенно выдавались раненые, вернувшиеся с Дальнего Востока. Наглый проект создать китайскую стену из русских трупов должен привлечь внимание русского общества как характеристика правительственных намерений и его затаенных желаний.

Но наши канцелярские мумии, занятые выдумкой новой египетской казни, не заметили, что за процесс развивается перед ними, — надвигается революция, и, приняв это в расчет, мы смело можем сказать, что колонизация окончится очень скоро и справедливо: войска вернутся на родину, оставив в Манджурии как украшение пограничных столбов нескольких вождей авантюры.

Но, кроме вождей, есть и виновники авантюры, и им не избежать народного суда.

В. Волгин.

Аграрное движение в Саратовской губернии.

Не успело затихнуть грандиозное революционно-забастовочное движение, охватившее во второй половине октября всю городскую Россию, как поднялась деревня.

Поднялась она, в своей глубокой темноте, совершенно стихийно и вылила свой протест в форму „бунта“, бунта беспощадного и часто бессмысленного.

Сильное аграрное движение бушует теперь в Саратовской губ. одновременно в нескольких уездах.

Картина этого движения во многих случаях довольно однообразна. Типичная черта ее — аграрный террор, порой в самых крайних проявлениях. Пылают и сгорают с землей громадные усадьбы, гибнут огромные состояния, гибнут очень часто инвентарь и скот — предпосылки дальнейшего развития производительных сил.

Саратовские газеты буквально пестрят однообразными известиями из уездов Балашовского, Петровского, Аткарского, Саратовского.

„Идет погром хутора кн. Волконского около села Романовки“. „Разграблены казенные винные лавки там же“. В Макаровской волости „жгут, грабят церковный приют, монополю, купца“. В Ключах „сожгли и разграбили земскую больницу“.

В Петровском уезде „сожжен и разграблен хутор Аплегава; третий день идет грабеж имения Бекетовой и хутора Бундикова“. „Третий день идет разгром винокуренных заводов в с. Даниловке“. В селе Турках „разгромлена железнодорожная станция; разграблена мука и мануфактурный товар“.

И отдельные эпизоды беспощадной расправы складываются в потрясающую картину целых уездов, предаваемых огню и разгрому.

И крайне характерно в этом разгроме то, что жгут и истребляют сплошь и рядом без всякого смысла.

27 октября в „Подгорном“ были сожжены экономические кошары, а в них до 3.000 голов овец (шленские).

А вот как громили громадное богатейшее имение кн. Прозоровского-Голицына. Разгромив службы, экономические постройки, монополю, лавки,

толпа отправилась во дворец, и начался в полном смысле погром. Были мраморные статуи, рвали редкие картины, ковры. Много было взято оружия, ламп, самббаров, подушек, золотых и серебряных вещей. Когда участники погрома набрали столько, сколько можно унести, дворец зажгли и удалились. На обратном пути зажгли конюшню.

Дольше всего горел дворец: временами казалось, что горит не дворец, а происходит извержение вулкана. Дворец был построен более ста лет тому назад и представлял собой исторический музей.

В нем была прекрасная библиотека французских и немецких философов, картины лучших русских и иностранных художников разных направлений, посуда, японские изящные мелкие произведения, статуи из лучшего мрамора и т. д.

Из разных мест приходят уже и известия о том, что на почве волнений начинается среди крестьян междоусобная борьба, принимающая иногда кровавый характер. Корр. „Сарат. Дневн.“ рассказывает:

Макаровцы пошли всем обществом против грабежей и тем вызвали вражду окружающих селений, которые грозят идти войной на Макарово и пожечь все. Дело дошло до того, что уже 27 октября стало известно, что гривские и перевисинские крестьяне назначили в ночь на 28-е поход на Макарово.

Или другая картинка в той же газете (дело происходит после разгрома одного хутора):

Настроение крестьян было самое зверское. Всякий крестьянин, подававший здравый совет, избивался, имущество иногда предавалось огню. Были кровопролитные массовые схватки друг с другом. В Шепелевке крестьяне разделились на две партии, которые, в конце концов, приняли религиозный оттенок (православные и молокане), и шло ужасное, душу раздражающее побоище в течение нескольких суток. Были пущены в ход дубины, колья, топоры. Старшина изувечен и едва живым доставлен в земскую больницу. Есть убитые и много раненых. Лишь залпы из трехдюймовых орудий прекратили резню. Пушечными выстрелами разрушены три дома.

Наконец, все газеты обошло на этих днях известие о том, как в Малиновке, Сердобского уезда, крестьяне-православные убили 42 человека крестьян-раскольников за то, что последние осквернили православный храм, загнав туда скот, который они вместе со своими будущими палачами незадолго до этого увели из одного сообщая разгромленного имения.

Рассказывать о том, что происходит в других местностях Саратовской губ., значило бы более или менее повторяться.

В общем это крестьянское движение стоит несомненно вне руководства какой-либо политической партии. Лишь в немногих пунктах роль такого руководителя приписывает себе, как известно, так называемая Партия Социалистов-Революционеров. Но руководство это весьма сомнительного характера. При проверке оказывается, что „партия“ эта в аграрном движении, сама безусловно и прежде всего преклоняется пред стихийно-разрушительным характером этого движения, и ее „тактика“ аграрного террора как нельзя лучше это подтверждает. У нас нет точных сведений о том, где именно „партия“ эта участвует теперь в крестьянском движении, и окидывая одним взглядом

картину этого движения, мы видим в общем такое однообразие, что, не имея о том специальных сведений, едва ли можно различить, где именно крестьяне восстали сами по себе, а где к их восстанию успела приложить свою руку „критически-мыслящая личность“ соц. - революционера. Странное руководство!

* * *

Но есть в той же Саратовской губ. небольшая округа, где крестьянское движение, как сообщают нам наши корреспонденты, носит значительно иной характер. Движением этим руководила местная организация „Аграрной Группы Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р. Партии“. Центром этой округи является село Николаевский Городок, Саратовского уезда. Социал-демократическая работа среди крестьян этой местности велась двоякого рода: положительная работа преследовала пропаганду, агитацию и организацию на основе программы и тактики Р.С.-Д.Р.П., с другой же стороны велась энергичная борьба против Партии Социалистеров-Революционеров, в частности против теории и практики аграрного террора.

Борьба эта увенчалась успехом, и в конце движения в этой местности мы имеем попытку провести соц.-демократическую тактику.

В самом начале движения на собрании крестьян местных и ближайших сел и учеников местного земледельческого училища была принята след. резолюция:

„Мы, нижеподписавшиеся, всецело присоединяемся к восставшим рабочим и поручаем своим уполномоченным выработать план действий во время начавшейся революции, которым мы и будем руководствоваться“.

Здесь же был избран районный „революционный крестьянский комитет“, по два представителя от каждого села. Это собрание уполномоченных и выработало следующий план действий „в момент всероссийского восстания“:

1) выпуск партийного манифеста; 2) смена всех сельских правительственных властей и замена их выбранными, которым и предоставляется вся исполнительная власть; законодательная власть остается за общим (областным или волостным) собранием. Уничтожение всех воинских и недомогущих списков; 3) озачиниваясь продовольствием крестьян (в виду голода), составив соответствующие общественные приговоры, предпринять разборку хлеба в соседних экономиях и предоставить все экономические земли трудящемуся населению без выкупа. При разборке экономии выдавать от крестьянского комитета расписку землевладельцу о количестве вывезенного из его экономии хлеба; 4) а) организация сельских революционных комитетов, которые сносятся через своих уполномоченных с районным, а последний через своих уполномоченных с областным (саратовским) комитетом-Российской Соц.-Дем. Раб. Партии и действует согласно его указаниям и инструкциям; б) уничтожение всех правительственных податей и налогов, введение прогрессивно-походного налога, размер которого определяется общим собранием. Все суммы, собранные таким образом, поступают в сельские кассы, известный процент из них отчисляется в кассу при районном или волостном комитете и областном (саратовском). Районный же комитет имеет прибор для печатания и выпускает всякого рода воззвания и прокламации; 5) организация вооруженных дружин. Отобрать все имеющееся оружие в экономиях и у крестьян, нежелающих или не могущих почему-либо вступить в дружину. Если же правительственные арсеналы в городе (Саратове) окажутся в руках рабочих, то просить областной комитет отделить часть оружия и в деревню.

Первые три-четыре дня прошли в митингах в Николаевском Городке и в соседних селах, в демонстративных

шествиях с обычными атрибутами, при чем, — пишет наш корреспондент, — „принимали самое деятельное участие парни, девушки, женщины, рядом с седовласыми стариками“.

18-го деревня узнала о манифесте и ответила на него на многолюдном митинге резолюцией,

в которой, между прочим, сказано: „Мы будем бороться до тех пор, пока не добьемся Всенародного Учредительного Собрания и перехода всей земли в руки трудящегося населения“. Постановлено было также „проводить все намеченные меры строго организованно, под руководством крестьянских комитетов, насилие и грабежей никаких не чинить, перед захватами и разборкой хлеба в экономиях оставлять приговоры“.

Примерный приговор этого рода гласит: „Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне такого-то села, собравшись на сход (число), решили всю землю такого-то помещика (удела, монастыря и т.д.), как не по праву ему принадлежащую, передать без выкупа в пользу таких-то крестьянских обществ. Весь же хлеб, находящийся в амбарах такого-то помещика, в виду отсутствия у нас всяких продовольственных средств, и не надеясь на помощь правительства, постановили разделить между нуждающимися общевенниками“.

Активные действия начались 20 октября с волостного правления.

Забрали все книги, касающиеся недомог, воинской повинности и т.д. Уполномоченные на то крестьяне отобрали у старшины ключи и кассу. Захвачены были далее все книги и оружие в квартире пристава, при чем к квартире была поставлена стража для охраны имущества — пристава. Затем было отобрано лишнее оружие и боевые припасы у частных лиц и в лавках. В казенной винной лавке сменили сидельца, конфисковали кассу, торговля, по желанию схода, продолжалась, но под охраной вооруженной стражи.

На почте были конфискованы касса, оружие и телефонный аппарат. Конфискована была также и касса Марининского земледельческого училища, при чем часть денег была оставлена управляющему на текущие расходы. Со всеми конфискованными деньгами особый нарочный был тотчас же послан в Саратов за оружием. Из учеников земледельческого училища была образована милиция для назора за порядком.

Для разборки хлеба, которую начали 21 октября, были также выработаны определенные правила касательно 1) определения количества хлеба, которое может быть взято в экономии (часть оставляется для продовольствия рабочих и скота) и 2) распределения этого хлеба между нуждающимися едоками окружающих сел.

Все эти действия должны были производиться под непосредственным контролем крестьянского комитета.

Несколько вооруженных дружинок было послано по постановлению схода к помещику Петрову с предупреждением, что завтра приступят к разборке его экономического хлеба, и с предложением выдать имеющееся у него оружие, а также и 2.000 руб. на вооружение. Все это было исполнено.

В этот же день, между прочим, вооруженная дружина, дежурившая последние день и ночь, арестовала двух трабителей.

Когда крестьяне явились на ферму землед. учил. для разборки хлеба, районный комитет определил оставить для собственных надобностей фермы 4.000 пуд. хлеба. 8.000 п. было разобрано. Хлеб вывозился в общественные магазины, где и раздавался нуждающимся. Разборка прошла в полном порядке, без насилий, без недоразумений как на ферме, так и по отдельным деревням.

То же самое происходило одновременно и в намеченных для разборки окрестных помещичьих экономиях. Кроме хлеба, отбиралось оружие. Помещикам выдавалась за подписью „крестьянского социал-демократического комитета“ особая расписка „для предъявления Учредительному Собранию“. Из домашних вещей не брали абсолютно ничего. Корреспондент наш рассказывает, между прочим, что, когда в большой экономии Беклемишева служащие последнего начали тащить имущество, то крестьяне потребовали от Беклемишева письменного удостоверения в том, что они, крестьяне, „кроме хлеба и оружия ничего не брали и брать не хотели“.

Вообще, пишет корреспондент, „крестьяне обнаружили поразительную дисциплинированность. Они всецело подчинились выборному комитету. За все время аграрного движения в Николаевском районе не было ни одного предосудительного поступка со стороны крестьян, даже не замечалось пьяных“.

И ту же сознательность и организованность, которые крестьяне проявили при разборке хлеба, они проявили и при захвате земель. Так, например, за казенной фермой было оставлено около 200 дес. земли, количество, которое сам же управляющий признал достаточным для опытно-показательного хозяйства.

План „революции на месте“ был проведен, таким образом, местной организацией, но она оказалась значительно впереди событий, значительно впереди революции общероссийской. 23 октября в с. Николаевский Городок нагрянули войска с пушками, пулеметами. Руководители движения окопались и укрепились в земледельческом училище и решили ждать инструкций Саратовского Комитета Р.С.-Д.Р.П. Инструкция была вскоре получена; в ней рекомендовалось как можно скорее ликвидировать дело, войскам не сопротивляться, более скомпрометированным бежать. Училище-крепость была оставлена защитниками, правительственные агенты энергично принялись за восстановление „старого порядка“.

Семь учеников землед. училища арестованы, они обвиняются по 100 ст. за восстание и содержатся в саратовской тюрьме, как уголовные, при страшно тяжелых условиях. Так мстят им местные представители администрации за то, что они попытались внести известный порядок, организованность в местное крестьянское движение.

* * *

На фоне общей картины аграрного движения с Николаевский Городок безусловно является светлой полосой. Не мы, партия пролетариата, станем обвинять крестьянскую бедноту в стихийно-разрушительном характере ее восстания. Не на нее ложится ответственность за этот характер. Долгая школа рабства, систематическое обирание крестьянских масс и превращение их в массы темных пауперов — такова обычная политика царско-помещичьего самодержавия по отношению к русской деревне. И если теперь в деревне гибнут без всякого смысла на миллионы рублей производительные силы, то это есть непосредственный результат этой политики.

И каждая пылающая усадьба, как и каждый город, разгромленный полицейско-черносотенными ордами, есть новый пункт того грандиозного обвинительного акта, который выдвигает Россия против абсолютизма.

Но с проповедью аграрного террора, который есть не что иное, как непосредственный продукт темноты и полного обнищания русской деревни, социал-демократия не может и не должна мириться. Ибо объективной основой нашей твердой уверенности в неизбежности наступления царства социализма является именно безостановочное, мощное развитие производительных сил. Тактика аграрного террора, тактика разрушения производительных сил, хотя бы и временная, — глубоко реакционна. Бороться с этой тактикой необходимо; а опыт социал-демократической деятельности в округе с Николаевский Городок показывает, что борьба эта вполне возможна, что революционно настроенное крестьянство способно усваивать и проводить в жизнь тактику социал-демократическую.

И. Г-2.

Русская печать.

* * „Наша Жизнь“ считает необходимым, чтобы Совет Рабочих Депутатов оставался вне Социал-Демократической Партии.

Мы позволяем себе думать, что тактика Рабочего Совета совершенно правильная, и его стремление стать вне определенной партийной программы тоже вполне правильно. Допускаем даже, как утверждают соц.-дем., что теоретически наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих масс представляет социал-демократия, но ведь далеко не все петербургские рабочие — социал-демократы. Утверждать противное не решится и „Новая Жизнь“. Среди петербургских рабочих, даже политически развитых, есть очень много лиц, не выработавших себе пока определенного мировоззрения. Есть, наконец, много рабочих, политически совершенно неразвитых. Следовательно, выразительницей стремлений и мнений всех петербургских рабочих социал-демократия считать себя не может.

Весь вопрос в том: хочет ли Сов. Депутатов идти в хвосте массы или же вести ее за собой? Если есть много рабочих, „политически совершенно неразвитых“, то не за ними же идти органу, главная задача которого „представлять наиболее полно политические и социальные идеалы рабочих“. Чем безупречнее Совет Депутатов исполнит эту задачу, тем успешнее будет его политика и тем прочнее связь с массой. Путь социал-демократии это путь организации пролетариата для борьбы с давящим его строем.

Плоха была бы та партия и плох тот представительный орган, которые плелись бы за отсталыми, а не сознательно вели их за собой.

* * Земцы, заседав в Москве, решили договориться с правительством. Но с кем же заключать им контракт? С графом Витте? Но он только говорит, а правит кто-то другой. Граф Витте обещает, обещает, а другая, настоящая власть расправляется с народом по-старому. Либерализм Витте — для вывоза, для показа иностранным банкирам. Дома же, для внутреннего употребления, оставлено иное правительство — Дурново, Рачковского и Ко.

Из-за границы „Бирж. Вед.“ осведомились, что среди многих сановников и некоторых военных, имеющих доступ ко двору, зреет мысль о военной диктатуре, чтобы снова взнуздать непокорного коня России и управлять им.

Позорные разгромы и бесчеловечные убийства, совершенные в разных городах России, словно на данному сигналу, в один день при поддержке или попустительстве полиции, администрации и бездействии войск — свидетельствуют, что такая организация, бесспорно, существует.

Нити ее, по видимому, находятся в министерстве внутренних дел, которому подчинены губернаторы, отдельный корпус жандармов, полиция, охранные отделения, сыщики.

Правительство составило „кабинет“ для проведения в жизнь манифеста, а теперь выясняется, что некий г. Рачковский, бывший начальник „дозорного дела“ в Париже и изгнанный оттуда, делает в России „внутреннюю политику“ в должности заведующего „политической частью“.

И, очевидно, не без ведома и благословения когда-то тоже уволенного директора департамента полиции, а ныне министра Дурново.

„Кабинет“ живет по евангельскому завету: десница не ведает, что творит левая.

Считаем нужным добавить, что в состав тайного кабинета вошел и генерал Трепов. Трепов, Дурново,

ИСПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 октября — 3 декабря

1905 года

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО И Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ВТОРОЙ

№ № 8 — 14

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1925